

Москва
Театр «Русский балет»
упр. В. Гордеева

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Журнал и сцена. — 1991 — 14 июля (№ 46) — с 5

ЭС

Коллектив Вячеслава Гордеева, если мыслить образно, напоминает неокрепший и гибкий организм ребенка. Нет стабильной завершенности стиля, нет заостренности творческого лица. Зато радостное ощущение подвижности, роста, длящегося во времени и пространстве развития. Второй «плюс» — хороший как минимум технический уровень солистов, работающих на контрасте. И молодость. И внешняя привлекательность. И биотоки внутренней симпатии между сценой и залом. Но именно профессиональная ответственность исполнения выделяет театр из круговерти одиозных. Если балерины здесь с безупречностью крутят 32 фуэте, а их партнеры красиво и правильно выполняют поддержки — это что-нибудь да значит сегодня! Казалось бы, профессионализм в порядке вещей, и нечего из этого делать сенсацию, однако ж... именно на нем и сошелся клином белый свет нашей хореографии. Вот почему я обеими руками голосую ЗА «Русский балет», хотя «минусов» в нем не меньше.

Фонограмма, конечно же, «минус». Возможно, она качественнее «живой» игры среднего оркестра и удобнее для танцовщиков, но возмает и заклинит на долю секунды в Неаполитанском танце, к примеру — что ты будешь делать? Или не сразу включится, или возникнут вдруг шум. Следующий «минус» — цепочка взаимосвязей. Финансовая база театра позволяет арендовать «чужие» залы, а отсюда неприличные цены билетов до пятнадцати рублей в партер и, как следствие, специфичная ограниченность зрительского состава. Малочислен кордебалет, и многие солисты заполняют массовку, едва успевая переводеваться.

Репертуар: два премьерных спектакля и Вечер «Шедевры мировой классики». Классическая «Жизель» в редакции Л. Лавровского и «Лебединое озеро» с хореографией Л. Иванова, А. Горского, М. Петипа, А. Массерера, В. Гордеева. Обе постановки дают возможность заявить театру: «Да есмь!» Иными словами, труппа, способная осилить две эти эталонные партитуры, перешла Рубикон и способна на все. Но ни «Жизель», ни «Лебединое» на сенсационную интерпретацию в смысле концепции и постановочного решения не тянут. Мы — люди искушенные, видели столько оригинальных версий, что произвести фурор можно только чем-то из ряда вон выходящим. И не столько танцевальной пиротехникой, сколько альтернативными основным смыслу режиссерскими трактовками, новыми переосмыслениями.

А здесь все ровно, четко, чисто, аккуратно — и все по-старому, очень уж традиционно! Понятно, классика — неприкосновенна, но она требует максимально честного отношения к себе. Оживить на сцене классический текст — это, как мертвая вода в сказках. А как с живой?

В смысле режиссуры это нейтрально, в смысле сценографии вяло и неинтересно. Я удивился работе И. Нежного и Т. Тулубековой: обычно они предпочитают пиришеству ярких красок, а здесь главенствуют бурные тона жухлой травы. И не слишком ли эклектичен сам текст в «Лебедином озере»? Легко советовать, но, может, стоило показать что-то из глубоких запасников, менее затертое, более ударное. Да, опасное и неблагородное дело — постановка балетных бестселлеров!

Почему же не сюжетные балеты, а Вечер классики стал центральным событием? Во-первых, это подобие праздника, где даже закомплексованный критик поддается чувству трогательной эстетической радости. Во-вторых, именно в Вечере чувствуется единое дыхание концепции, некая сквозная идея — преклонение перед Красотой классики. И, наконец, принципиальная эклектика становится здесь правилом игры, ключом к цело-

стной структуре спектакля. При ежедневной замене номеров перед нами не концерт или диартистизм, а материя с более высоким уровнем театрализации и внутреннего смысла. Каждый раз мозаика складывается из разных составляющих, но смысл остается. Первый Вечер утрированно академичен: «Пахита», «Эсмеральда», «Арлекинада», «Баядерка», «Танцы часов» Петипа, «Сильфида» Бурнонилла, «Вальпургиева ночь» Лавровского, «Щелкунчик», Вайнонена. В предпоследнем Вечере, к примеру, второе отделение почти полностью отдано современной хореографии, и это лишь ярче оттеняет изыски и импозантность классических форм.

Вот сам собой выстраивается как бы персонажированный диалог классического стиля с «модерном». Динамике диалога наглядно олицетворяют Ольга Хондо, балерина с эстетизированным декантским изломом, с какой-то таинственной червоточной. Из inferналь-

ческие элементы. И хочется кричать, даяться.

Солисты — главные персонажи показов. Безнадежно и празднично разные: по судьбе, индивидуальности и кредо. Кто-то сразу после училища, кто-то лауреат, как Я. Казанцева, А. Рябов, И. Лузанова, О. Козлов и К. Дурнев. Кто-то долгие годы работал в республиканских театрах, получил признание и звание (Н. Чеховская и В. Полушин в Красноярске, К. Кырб в Таллинне, М. Богданова и Е. Амосов в бывшем Свердловске, В. Янсонс в Риге, М. Динор в Сыктывкаре, В. Ахундов в Баку). Эти мастера как бы одухотворяют «столичный стиль» особыми токами милого театрального «провинци-

ЭКЗЕРСИСЫ НА ТВЕРСКОМ

В нашем балете действуют законы некоего регрессивного «естественного» отбора. Новые балетные театры и труппы рождаются сегодня словно для того, чтобы зритель умереть или незаметно исчезнуть из культурного обихода. Но не стоит Терпсихоре отчаиваться — есть еще приятные исключения! Шутки шутками, однако, похоже, что Московский государственный театр «Русский балет» надолго. Впрочем, и существует он уже около десяти лет. Октябрьская декада их спектаклей в здании Театра Дружбы народов (сейчас МХАТ имени Горького) смогла бы переплавать нашмрачнейшего из циников. Разберемся?

ной обольстительницы Ваханки (классический апломб, классические позиции, высокие поддержки!) она перевоплощается в Танцующую танго (роковое черное, терпкий Пьяццолла, неистовость заклинивания). Танго — безусловная удача Гордеева-хореографа. Ему удается создать театр-дуэт с прологом, завязкой, развитием и кульминацией.

Театр и в ненавязчивом споре ажурно-кружевного, утонченного, гибкого Бурнонилла с атлетическим напором и спортивностью Вайнонена. Равноправное соревнование звучащей тишины и громкого звука. Театр «на квадрате» извлекается из композиций с действенным сюжетом («Вальпургиева ночь», «Фея кукла», «Арлекинада»). Театр в театре — это Олег Козлов — Арлекин, Сергей Ахундов — Пан (браво!), певучая, ломкая Наталья Чеховская в белом аджидо «Лебединого озера». Фуэте Яны Казанцевой — вот вам многоликий театр виртуозного блеска, техничности, внешней формы. Психологический монолог — Кайе Кырб — Клеопатра, и слова тут бессильны. Ахундов — актер карнавального мироощущения. Будто каждая клеточка, каждый мускул его тела играют. Искра театральности выскакивает из наэлектризованной цепочки-дистанции между персонажем и ироничным отношением к нему танцовщика.

Театрален эффект «выхода под занавес» — закончить красиво и на высокой ноте обязательный Финал своей заданной цикличностью (парад-алле... аплодисменты... парад-алле) заводит зал почти как на рок-тусовках. Под моторную, лавинообразную музыку коды «Пахиты» артисты демонстрируют «на бис» самые сложные техни-

ализма. Они — звезды, элита труппы. Имена именами, но, по-моему, уровень театра задает его молодежь. На нее смело ставит (во всех смыслах) Гордеев. Благодаря актерскому своеобразию труппы доля новизны вошла и в «Лебединое озеро», и в «Жизель» — в качестве нетрадиционных нюансов, непредвиденных акцентов сценического поведения. Злой гений Ротбарт — Амосов не так ужасен и коварен, а повок и хитер. Узкий разрез лукавых глазок, злорадная улыбка, пластика восточного мураза. Не слишком страшный враг, особенно для Принца — Рябова. Зигфрид, словно наш современник, со всеми психологическими приметами дня, этаким грустным атлет. Граф Альберт — Ахундов — настоящий Дон Жуан, порочный, искусительный и вдобавок трусоватый. Жизель для него очередной эпизод любовных приключений. Может быть, сознание греха и приходит в белом втором акте, но любви не было. Был обман: и с цветком, и с клятой.

Всего «Русский балет» дал десять представлений на Тверском. Равнодушных, усталых лиц на сцене я не видел. Напротив, самая глубокая заинтересованность, личная прочувствованность всех ролей, а это дорогого стоит. Особенно сейчас, когда никому ничего не нужно. Именно в артистах, а не в показанных спектаклях оказался секрет «Русского балета». Его суть.

Андрей ХРИПИН.

● «Лебединое озеро». Одилия — Яна Казанцева, Принц — Андрей Рябов.

Фото Л. Педенчук.